

УДК 94(47).084.3+94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/16

БЕЖЕНЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1921 гг. В БЕССАРАБИИ: «СПАСИТЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ»

О.А. Гарусова

Институт культурного наследия Министерства образования,
культуры и исследований РМ
Молдова, 2001, г. Кишинев, пр. Штефана чел Маре, 1
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена малоизвестной странице истории постреволюционной русской эмиграции – ситуации в Бессарабии периода гражданской войны в России. Рассматриваются вопросы численности, условий жизни и правового статуса беженцев из-за Днестра, политики румынского правительства в решении беженского вопроса. На основе архивных документов и материалов периодической печати анализируется деятельность русских организаций в Румынии по защите интересов, юридической и гуманитарной поддержке бывших российских подданных. Особое внимание уделено участию в судьбе беженцев бессарабских благотворительных обществ.

Ключевые слова: Бессарабия, гражданская война, беженцы, благотворительность.

REFUGEE POPULATION IN BESSARABIA DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR OF 1918–1921: “THE LIFE-SAVING ISLAND”

O. A. Garusova

Institute of Cultural Heritage of the Ministry of Education, Culture
and Research of Moldova
1 Stefan cel Mare Avenue, Chişinău, 2001, Moldova
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Abstract

The article dwells on the history of the Russian emigration after the Revolution of 1917 with the focus on the situation in Bessarabia in 1918–1921. The author analyses the number of the refugees from the left bank of the Dniester, their living conditions and legal status, as well as the Romanian Government policy related to the refugee matters. Basing on the archival documents and materials from periodicals press, the author examines the activity of Russian organizations that protected the rights and interests of former Russians and provided legal humanitarian support. Special attention is paid to the charitable associations in Bessarabia.

Keywords: Bessarabia, Civil War, refugees, philanthropy.

В Бессарабию беженцы из-за Днестра шли в течение всего межвоенного периода. Пик их движения пришелся на годы гражданской войны в России.

Понятие «беженец» появилось в России в Первую мировую войну, когда исход населения с прифронтовых территорий и с отступающей русской армией принял массовый характер (Курцев 1999: 98). Покинувшие Россию после Октябрьской революции 1917 г., до закрепления власти за большевиками, также считались беженцами и с эмигрантами не отождествлялись. В 1920-е гг. в международных официальных документах по отношению к ним был принят термин «беженцы». Всего за пределами России оказалось более 2 млн чел.

Историки русского зарубежья считают определение численности российских беженцев в разных странах рассеяния одним из наиболее трудных и спорных вопросов. Особенно сложной, по мнению сербского исследователя М. Йовановича, является ситуация в Румынии ввиду представленных в литературе «крайне противоречивых» данных о русских эмигрантах, которые «колеблются в огромных, зачастую невероятных интервалах» – от 10 до 100 тыс. Сам историк полагает, что в начале 1920-х гг. было не более 2 тыс. беженцев, однако в указанных им архивных источниках речь идет лишь о Старом Королевстве (Йованович 2005: 116).

Между тем в документах межвоенного времени разброс цифр выглядит не столь впечатляющим. В 1921 г., согласно отчету Румынии в Лигу Наций, на ее территории находилось более 100 тыс. беженцев, а по информации Международного Красного Креста – 60 тыс., включая и репатриантов в Бессарабию (Скворцова 2002: 141). К 1 января 1922 г., по данным Лиги Наций, – 35–40 тыс. (Раев 1994: 261).

Численность прибывших в годы гражданской войны из-за Днестра в Бессарабию невозможно достоверно установить по ряду причин.

В начале 1920-х гг. ситуация на приграничной территории менялась буквально по месяцам; потоки беженцев, недаром сравнивавшиеся с нахлынувшими волнами, практически не поддавались учету. Официальные институты давали информацию о количестве зафиксированных ими лиц, тогда как многие из нелегально перешедших границу избегали регистрации. По подсчетам авторов статистического словаря, «временное» население бессарабских городов достигало до 60 % их постоянных жителей. К 1923 г. из 406 308 чел. городского населения насчитывалось 168 325 временных (Dicționarul 1923: 12).

Определенная статистическая путаница связана с большим количеством особой категории беженцев – вернувшихся на родину уроженцев Бессарабии. Уехавшие в разное время по семейным обстоятельствам, в связи с переводом по службе, получением высшего образования и пр., а также солдаты и офицеры, воевавшие на фронтах Первой мировой и в белых армиях, до получения румынского паспорта считались иностранцами. Только в Кишиневе в 1923 г. в списки иностранцев было внесено несколько тысяч бессарабцев, задержанных при переходе границы (НАРМ 1: 4).

Большинство приезжих осели в главном городе Бессарабии, превратившимся в начале 1920-х гг. в узловую станцию российской эмиграции. По информации статистического отдела городской управы, к 1 октября 1920 г. в Кишиневе проживали 185 902 чел. «Сведения эти, несомненно, не отвечают действительности, так, к 1 января постоянное население, не считая войсковых частей, превышает 210 тыс. душ» (Население 1920: 3). По данным службы областной статистики Бессарабии, в 1922 г. в городе проживало 133 тыс. постоянных жителей и 66 500 временных (Dicționarul 1923: 12). В прессе начала 20-х гг. упорно фигурировало 300 тыс. – цифра, которая не покажется слишком преувеличенной, если иметь в виду «море» транзитных беженцев, прежде всего лиц еврейской национальности, эмигрировавших в Америку и Палестину.

Уроженцы края, которых лишь политические катаклизмы вынудили вернуться, как и сорванные с родных мест беженцы из Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, пребывание в Бессарабии воспринимали временным явлением. В ожидании «полного краха большевизма», рассчитывая в безопасности переждать смутное время, они жили надеждой вернуться в Россию, по крылатому выражению, «сидели на чемоданах».

«Кишинев, как и вся, впрочем, Румыния, в некотором отношении напоминает теперь счастливый остров, уцелевший среди страшного наводнения. Кругом волны, мутные потоки. Здесь – тишь и благодать. И спасаются те, кто успел, кому посчастливилось. Сидят и ждут... Уля-

гутся волны, войдет поток в новое русло – и с чувством благодарности распрощаются они со своим спасительным островом» (Невидимка 1919: 3).

Благополучный переход границы казался финальным этапом бегства. Опубликованные на страницах местной прессы впечатления беженцев отмечены резким контрастом в восприятии разных миров по ту и эту стороны границы. Пережившим революцию, не понаслышке знавшим о кошмарах красного террора и петлюровских погромах, «вырвавшимся из мира убийств, грабежей и насилия» Бессарабия представлялась цветущей, благополучной, чудом сохранившимся осколком старой России. Изумляли «нормальное» течение повседневной жизни, яркие витрины магазинов, заполненные давно не виданными продуктами, толпы людей на оживленных дневных улицах и необычайная тишина ночью.

«Когда года полтора тому назад я перешел Днестр и попал в Кишинев, меня многое поразило, – описывал свои самые первые ощущения П. Пильский. – По вечерам в городском саду играла музыка, Александровская улица была полна гуляющих, нарядных и влюбленных пар, текло вино, шумно, легко и весело торговали кафе, погребки, рестораны, с голубого неба на буйную зелень садов бросало свое лучистое золото южное солнце». Но Днестр разделил не только миры, но и государства. Пильский, удивляясь тому, что «сытые, устроенные, в общем, сносно живущие» бессарабцы «отшатнулись от Румынии, завздыхали по России», так объяснял оппозиционные настроения: «Только что они испытали всю разгоряченную страстность, всю ярость, все бессердечие либеральных режимов, этот разгул националистических бредов, удары по самолюбию, шельмование, угрозы, притеснения» (Пильский 1923: 3). В полной мере русофобские крайности нового режима испытать пришлось беженцам.

Русских не ждали ни в одной стране, повсюду они были на положении непрошенных гостей. Страны-реципиенты к ним относились по-разному, зачастую в зависимости от менявшейся политической конъюнктуры. На отношение к беженцам Королевской Румынии политические проблемы влияли непосредственно – в первую очередь, «бессарабский вопрос». Правительственную политику по отношению к россиянам можно разделить на два этапа – до и после признания Англией, Францией и Италией права Румынии на Бессарабию.

Интересы выходцев из бывшей Российской империи перед румынской администрацией представляла Российская дипломатическая миссия в Бухаресте. По свидетельству консула А. Барановского, в 1919 г. миссии приходилось «ежедневно прилагать все свои старания к ограждению русских подданных от притеснений и неприятностей»

(ГАРФ 1: 17). В период гражданской войны содействие миссии соотечественникам заключалось преимущественно в оформлении и выдаче документов, ходатайствах о пропуске отдельных беженцев в Бессарабию. Отношение к вопросу о беженцах в определенной степени зависело от политических взглядов министров внутренних дел. Глава российского дипломатического ведомства бывший царский дипломат С.А. Поклевский-Козелл писал, что зимой 1919–1920 гг. по распоряжению симпатизировавшего большевикам министра-социалиста доктора Н. Лупу «румынские местные власти отказались признавать российские паспорта и отнимали таковые у их обладателей, выдавая взамен румынские визы на жительство». С назначением нового министра внутренних дел «не было случаев непризнания русских паспортов. Наоборот, весьма часто наблюдаются случаи, когда местные власти, обнаруживая, особенно в новоприсоединенных провинциях, российских граждан, проживающих без национальных паспортов, обязывают последних в определенный срок обзавестись паспортом из нашего консульства в Бухаресте. <...> Сама жизнь заставляет румынские власти направлять в наши консульства тех российских граждан, в документах которых они сами разобраться не в состоянии» (ГАРФ 2: 3).

Паспорта консульством выдавались на год с последующим продлением срока их действия. В 1918–1922 гг. за эти услуги взималось 12 леев пошлины. На основании российских паспортов румынские власти выдавали документы на право проживания в стране.

Все беженцы обязаны были зарегистрироваться в сигуранце, в Бюро контроля иностранцев. На них заводились личные дела, которые по оформлении передавались в МВД Румынии для окончательного решения. Те, кто доказал свою политическую благонадежность, прежде всего отсутствие контактов с большевиками, получали разрешение остаться в стране. Уроженцам Бессарабии выдавалось удостоверение личности («bilet de identitate»), остальным – вид на жительство («bilet de libere petrecere») сроком на три месяца, по истечении которого он мог быть продлен. Беженцы должны были ежемесячно отмечаться в полиции.

Задержанные пограничниками при переходе Днестра отбывали предусмотренный законом карантин в пограничном пункте. В зависимости от обстоятельств их либо освобождали, либо отправляли в тюрьму или интернировали в лагерь. В 1919–1920 гг. за самовольный переход границы по приговору военных властей полагалось довольно длительное тюремное заключение. Затем суровый срок наказания стал применяться реже, однако некоторые из ранее осужденных продолжали его отбывать. На это ненормальное положение, как и на

тяжелые условия содержания заключенных (не было тюфяков, люди спали на полу, нуждались в книгах), обращала внимание кишиневская пресса (В мертвом 1920: 2). В автобиографическом романе В. Федоров подробно живописал весьма своеобразные методы румынских жандармов, применявшиеся к сидельцам кишиневской тюрьмы; камера, где находился автор, представляла «большой грязный зал», с десятками арестованных – русских, молдаван и румын. «Вместо коек на полу были разбросаны охапки истлевшей соломы, на которой лежали или сидели бледные, изнуренные люди» (Федоров 2011: 177).

Интернированные размещались в лагерях, устроенных в селениях Чуплены и Котужаны-Марь; в Старом Королевстве наиболее крупным лагерем был Текиргиол¹, курортное место на Черном море вблизи Констанцы, где наряду с военными содержались и гражданские лица. Подтвердившие после проверки наличие родных или имущества в Бессарабии освобождались под поручительство двух коренных жителей края.

Среди беженцев были представители различных социальных слоев, национальностей, образовательного уровня. Все они стали «бывшими», материальное и социальное положение в прошлом мало определяло их дальнейшую судьбу. Часть приезжих могла рассчитывать хотя бы некоторое время на поддержку родных, друзей, знакомых. Врачи, журналисты, артисты, продолжившие профессиональную деятельность, как-то сводили концы с концами. Адвокаты и преподаватели брались за любую, прежде им чуждую работу; к примеру, «артель интеллигентных беженцев» занималась погрузкой и разгрузкой вагонов на железной дороге. Люди состоятельные, по наблюдениям газетчиков, «великолепно устроились и живут в полном достатке». Среди постояльцев лучших отелей и завсегдатаев фешенебельных ресторанов была опознана «теплая компания одесских притонодержателей», открывших в центре Кишинева игорный дом (Заднеэстровские 1920: 3). Но основная масса беженцев бедствовала, оставшись без средств к существованию.

Проблема беженцев была знакома Бессарабии по мировой войне, когда на территории края находились эвакуированные из Польши, Галиции и Румынии, в большинстве своем переправленные в глубь России. Но после войны она несоизмеримо усложнилась. Из-за ликвидации румынской администрации в Бессарабии органов земского и городского самоуправления, отсутствия финансирования со стороны нового режима, разрушения прежней системы государственной и общественной благотворительности сохранившиеся учреждения едва выживали и оказать ощутимую помощь беженцам были не в состоянии.

Материальная поддержка российским изгнанникам зависела от приютивших их государств² и международных организаций. В начале 20-х гг. проблемами эмигрантов занимались Лига Наций, Международный Красный Крест и продолжившее свою деятельность за границей Российское общество Красного Креста (РОКК). В Румынии РОКК не имел никаких собственных учреждений; ограниченный по сравнению с другими странами масштаб деятельности был связан, как утверждалось в докладе члена комитета Временного Всероссийского земско-городского союза А.А. Эйлера, с «враждебным отношением румын к организациям общерусского характера, особенно имевшим какое-либо отношение к бывшему русскому правительству» (ГАРФ 3: 2). Из сложной политической ситуации уполномоченный Красного Креста М.Н. Редькин нашел конструктивный выход для оказания помощи беженцам «по линии наименьшего сопротивления при посредстве местных национальных организаций и румынских учреждений». В результате РОКК стал пользоваться «систематической и широкой поддержкой румынского Красного Креста, как денежной, так и имуществом в натуре (одеждой, обувью, медикаментами)» (ГАРФ 3: 1). В отличие от РОКК, деятельность Земского союза в Румынии, представители которого не сумели организовать работу по помощи соотечественникам, «буквально ни в чем не проявилась», и он был закрыт.

В Бессарабии РОКК выделял средства на питание учащимся и на амбулаторию при детской больнице. Кроме этой материальной помощи, М.Н. Редькин занимался выделением индивидуальных пособий, трудоустройством беженцев, ходатайствовал об освобождении из тюрем незаконно перешедших границу и другими вопросами. Принятые на себя уполномоченным обязанности позволили А. Эйлеру охарактеризовать Русский Красный Крест в Румынии в качестве «не столько гуманитарно-благотворительной организации, сколько административного центра и посредника между беженцами, с одной стороны, и румынскими и русскими официальными учреждениями, с другой стороны» (ГАРФ 3: 2). Однако именно посредническая роль, как и ранее несвойственные благотворительным организациям функции защиты правовых интересов подопечных, приобрели особо важное значение в устройстве и дальнейшей судьбе беженцев.

Поддержку бывшим российским подданным в Бессарабии оказывали общественные объединения, созданные на национально-конфессиональной основе. О беженцах-поляках заботилось Польское католическое благотворительное общество. Евреи получали разнообразную и систематическую поддержку от различных местных и международных организаций: с 1919 г. действовали кишиневское

отделение Джойнта и Центральный украинский комитет, получивший свое наименование в связи с тем, что подавляющее большинство бежавших из Украины имели украинское гражданство. Помощь русским беженцам сдерживало подозрительное отношение румынского правительства к русским общественным организациям. «Христианское население Бессарабии» не имело возможности проявить себя в деле помощи своим несчастным единоверцам, выбитым из колеи нормальной жизни и принужденным искать спасения в чуждых им краях (Воззвание 1 1920: 3).

До осени 1920 г., когда нуждавшиеся русские беженцы были выделены в особую группу, им помогали частные лица и некоторые сохранившиеся с прежних времен организации. Военные и члены их семейств обращались за единовременными пособиями в Бессарабский комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от войны. В прошениях на имя председателя комитета, последнего предводителя бессарабского дворянства Р.В. Доливо-Добровольского, предстает жизнь, полная горя и лишений. Вдова капитана М.И. Рачковская рассказывала о двухмесячном пути из Могилева, во время которого она потеряла двух дочерей, о том, что «прибыла сюда совершенно больной и без всяких средств, поселилась временно у своей сестры К.И. Филатовой, которая обременена большой семьей и также бедная, с большим трудом существует на скудные средства, добываемые ее мужем, так что обречена почти на голодную смерть». В. Нивинский просил несколько сотен леев «для облегчения положения» служившего в Добровольческой армии больного подпоручика Мохова: «Не найдет ли возможным русская колония помочь этому борцу за лучшие русские идеалы государственного порядка? Зная ваше отзывчивое сердце и доброту уважаемой Марии Николаевны, не откажитесь...» (НАРМ 2: 1–7).

С весны 1920 г. поток беженцев шел непрерывно, газеты писали о появлении в Кишиневе целых партий людей, с риском для жизни переправившихся через Днестр. «В большинстве случаев беженцы – люди с расстроенной психикой, физически истощенные от перенесенных болезней и невероятной нуждой» (Местная 1920: 3). Многие нуждались в крыше над головой, пище, одежде, лекарствах, моральной поддержке. В условиях экономической нестабильности, растущей безработицы беженцы стали серьезным испытанием для Бессарабии. Участие в их устройстве и судьбе приняли различные слои населения.

Городские власти по мере возможностей пытались пристроить беженцев-бедняков в благотворительные заведения, приюты и ночлежные дома. Значительное увеличение городских жителей

обострило квартирный вопрос. Кишинев был уплотнен приезжими до чрезвычайности и не мог обеспечить жильем даже людей со средствами. Как пример исключительной «нужды в квартирах» в прессе приводился такой факт: в день открытия после ремонта Швейцарской гостиницы были заняты все номера. Владельцы квартир за баснословные деньги предлагали сырые, темные, проходные помещения. Чтобы упорядочить ситуацию, городская администрация создала квартирную комиссию.

Священников прикрепляли к епархиальным благотворительным заведениям. Надо сказать, что архиепископ Гурий принимал личное участие в устройстве лиц духовного звания в Бессарабии и вообще очень сочувственно относился к беженцам. В соборе во время литургии устраивались тарелочные сборы в пользу беженцев. Архиепископ в своих проповедях призывал паству к пожертвованиям «братьям-бессарабцам, бежавшим из-за Днестра».

Редакции газет объявляли подписку в пользу лиц, оказавшихся в совсем безнадежных обстоятельствах. Таким образом, например, были собраны деньги для участника Русско-японской войны М.В. Бабаева, который «переплыл Днестр и явился на пограничный пункт положительно в чем мать родила, так как из опасения утонуть узел с вещами и обувью пришлось бросить на той стороне» (Вниманию 1920: 3).

Наплыв обездоленных людей поставил бессарабское общество перед настоятельной необходимостью организации, призванной заботиться о беженцах. «Прибывая в Бессарабию, беженцы в подавляющем большинстве остаются на улице, буквально без всяких средств, и не имеют куда обратиться за помощью, содействием или даже советом. Будучи предоставлены исключительно сами себе, они претерпевали всякие лишения в самом необходимом, и материальное положение их мало чем разнится от той жизни, из которой они с таким трудом вышли» (На помощь 1920: 3).

В Кишиневе, где сконцентрировалось большинство беженцев, первое благотворительное объединение возникло по инициативе С.Д. Крупенской. Известные своей филантропической деятельностью Е.Н. Леонард, М.К. Рышкан, А.Ф. Алейников, В.Ф. Казимир, баронесса Е. Стюарт и другие представители местного дворянства организовали Бессарабский кружок помощи беженцам разных областей, который был утвержден трибуналом 19 октября 1920 г.

Кружок ставил своей задачей определить численность нуждавшихся и оказать им первую материальную помощь. «Наш долг, – говорилось в обращении, – дать умелую ориентацию беженцам, попавшим в совершенно чуждую обстановку: многие из них в качестве профессоров и техников могут оказаться полезными в той или иной

области. Особенно беспомощным нужно помочь устройением помещения, снабжением пищей и одеждой. Для бессарабского общества повелительно выдвигается обязанность исполнить христианский и общественный долг перед беженцами, попадающими в Бессарабию» (Воззвание 2 1920: 3). Финансовую основу составили переданные С.А. Поклевским-Козеллом 10 тыс. руб. из оставшейся на счетах суммы, отпущенной царским правительством на беженцев мировой войны. В своей деятельности кружок следовал давно сложившимся традициям: была организована работа по пошиву белья, к которой привлекались воспитанницы гимназий, в частности гимназии Гейкинг; дамы-патронессы устраивали благотворительные спектакли и балы.

Более основательным и разносторонним стало содействие беженцам Бессарабского комитета оказания помощи безработным и остро нуждающимся. Создан он был в мае 1919 г. для содействия семьям погибших на фронте и бывшим чиновникам и служащим, уволенным вследствие отказа принять присягу румынскому государству. Многие из них, привыкшие жить собственным трудом, оказались в тисках «безысходной нужды», образовав специфический «кадр нищих из выброшенных за борт жизни». Близкой им социальной категорией были и русские беженцы, часто обращавшиеся за помощью в комитет, который, в конце концов, взял их на свое попечение. Приняв во внимание размеры бедствия и учитывая общественные настроения, правление в октябре 1920 г. решило создать Беженский отдел (БО). В попечительный совет вошли видные бессарабские общественные деятели – А. Георгиу, В. Глоба, прот. В. Гума, А. Руссо, Л. Сицинский, А. Хачикова; председателем стал вице-примар Кишинева В.Г. Кристи. Для канцелярии было выделена комната в помещении городской библиотеки.

Беженский отдел начал работу публикацией призыва к населению Бессарабии о пожертвовании средств для поддержки «потерявших родину, семью, имущество и кров». В специальном воззвании к представителям местной торговли и промышленности говорилось: «В своем благополучии вы не должны забывать этих людей. С большими трудностями пробрались они сюда к нам. Если они здесь получили возможность осуществить свое право на жизнь, то надо им дать средства и возможность самого существования. Забитых, измученных, буквально нищих встречаем мы их. Не кричат они о себе, не требуют ничего, даже не просят. Тихо и скромно скитаются они, существуя лишь случайными доходами, добытыми физическим трудом, но ведь они все лица интеллигентных профессий, коим физический труд не по силам и даже губителен. <...> Вам, торговцам, купцам и промышленникам, особенно дороги должны быть их интересы. Ведь потерпели они

за цивилизацию и культуру, часть которой составляете и вы. Ибо без промышленности и торговли жизнь замирает и обрекается на гибель. Уделяя им незначительную частицу своих достатков, вы тем самым служите своему делу, своим интересам» (От Беженского 1920: 3).

В редакциях газет «Бессарабия» и «Новое слово» был открыт прием пожертвований. Представители БО обходили дома с подписными листами о пожертвованиях. Бессарабцы обычно охотно откликались на призывы о помощи. Владельцы магазинов и предприятий перечисляли довольно значительные суммы. Так, от товарищества В.Т. Пташникова было передано 2 772 лея и товаров на 200 леев из общей суммы в 3 832 лея и товаров на 2 932 лея, поступивших в первые дни после публикации воззвания. В пользу беженцев устраивались кружечные сборы; ноябрьская «кружка» от популярной в Кишиневе благотворительницы, заведующей городской библиотекой Д.П. Харжевской, дала 14 400 леев. Объявлялся сбор вещей у жителей города и продуктов на новом базаре. На просьбу Беженского отдела к домовладельцам приютить одного-двух беженцев на время поисков помещения для общежития откликнулся староста Кафедрального собора Д.Ф. Кара-Стоянов, безвозмездно предоставивший свою дачу.

Активное участие в деле благотворительности традиционно принимало духовенство. Почетный председатель Беженского отдела архиепископ Гурий объявил сбор пожертвований по епархии, призывая к полному содействию делегатам комитета. В пользу беженцев в бессарабских церквях устраивались целевые пожертвования, монастыри присылали деньги и продукты. Так, настоятель Суручанского монастыря преосвященный Дионисий выделил детям беженцев по пять пудов пшеничной и кукурузной муки, картофеля и фасоли. По информации комитета, особенно успешно шел сбор пожертвований зерном в Аккерманском, Бендерском, Измаильском, Кагульском уездах.

С открытием благотворительных организаций бессарабская пресса уделяла все больше внимания беженцам; об этом социально-политическом феномене размышляли местные и приезжие журналисты. Большая часть газетных публикаций обращалась к свойственному бессарабцам чувству милосердия, была направлена на то, чтобы вызвать сострадание к «потрясающему горю» изгнанников, собрать больше для них средств. «Беженцы, беженцы, как песок морской, бесчисленные, страдающие, измученные. Впалые лица, истощенное тело, измученная душа. Все похоронено, все, все осталось на родном пепелище. <...> Пришли они к нам, эти печальные вереницы бывших людей, пришли без деления на бесчисленные политические партии. Просто люди, просто измученные истерзанные люди, которым нужно участие, ласка, приют. Вы – наши слабые обедневшие братья, мы не

должны и не хотим знать ваших взглядов и убеждений, мы не будем отличать вас по платью, по речи, по национальности. Богатая и хлебосольная Бессарабия встретит вас тепло и радушно. <...> Пройдут дни. Уходя отсюда, растекаясь по всем уголкам Европы, пусть унесут они неугасимую веру в человека» (Вершховский 1920: 3).

Всегда острым для общественной благотворительности был вопрос финансов. Основными источниками средств Беженского отдела были пожертвования частных лиц и в особенности поступления от культурно-просветительных и развлекательных мероприятий. Стараниями театральной комиссии БО регулярно устраивались концерты, спектакли, лекции, балы и вечера с участием известных литераторов, артистов драмы, оперы, балета, эстрадных исполнителей, коих оказалось немало в то время в Кишиневе. К тому же на мероприятия с благотворительной целью проще было получить разрешение в полицейском управлении. Проводились лотореи-аллегри в пользу детей беженцев в Городском саду. Пособие из личных средств выделяла комитету румынская королева Мария; в Бухаресте «под покровительством королевы состоялся концерт в пользу комитета, давший 70 тыс. лей чистого сбора» (ГАРФ 3: 5).

Беженский отдел расширил свои действия, оказывая необходимую юридическую, медицинскую и трудовую помощь. С организацией новых направлений деятельности, связанных с социальной защитой бывших российских подданных, БО решал конкретные правовые проблемы, с которыми сталкивалось большинство беженцев. Юридическая комиссия, поставив вопрос о «ненормальном положении» нелегально перешедших Днестр, ходатайствовала перед властями о том, чтобы их не отправляли обратно. Было открыто Бюро ходатайств по возвращению беженцев-бессарабцев из концентрационных лагерей, в частности, из Текергиола. Удалось добиться если не отмены для неимущих беженцев сбора за «*bilet de libere petrecere*», как настаивал БО, то хотя бы освобождения от уплаты в индивидуальном порядке по усмотрению председателя городской временной комиссии. С 1921 г. для получения вида на жительство нужно было свидетельство только Беженского комитета. На основании заверенных БО заявлений кишиневская префектура полиции выдавала беженцам визы на поездки по стране. На адрес комитета приходили из разных стран письма от россиян, разыскивавших своих родных и знакомых. БО занимался регистрацией находившихся в Бессарабии беженцев, а июле 1921 г. открыл эмиграционно-информационный пункт.

Оказывал Беженский отдел помощь и интернированным. В опубликованном в прессе письме из Текиргиола русские беженцы выражали благодарность за присланные им деньги и «за внимание». Имелись

у БО собственные учреждения. Он организовал столовую и общежитие на 35 чел., через которое в 1921 г. прошло 2 тыс. беженцев. В пансионе обучались привезенные из лагерей Старого Королевства 24 мальчика и 2 девочки, обучение и одежду которым оплачивал РОКК. Всего к 1 апреля 1921 г. было выдано одежды и обуви на сумму 26 893 лея (ГАРФ 3: 5).

Разумеется, Беженский отдел был не в силах помочь всем нуждавшимся, но, благодаря этой и другим не столь заметным благотворительным организациям, многие беженцы смогли «передохнуть от всего пережитого». Общежитие БО стало временным приютом для писателя В. Федорова. Помощь комитета позволила киевскому врачу Н. Лебедеву встать на ноги, открыть в Кишиневе практику и самому помогать бедным.

Те, кто находили работу, предпочитали с отъездом не спешить. Но бессарабское пристанище было очень ненадежным. «Все время Бессарабия чувствует себя, как на вулкане. Это особенно испытывают беженцы, – писал свидетель того тревожного времени Петр Пильский. – Чуть что – проверка паспортов. Чуть что – и над всеми головами русского беженства нависает опасность изгнания. Чуть что – и среди русских возникает паника. Тотчас же объявляется военное положение. Расклеиваются объявления. Выходят приказы. Перечисляется ряд проступков, грозящих высылкой на советскую сторону <...> Вспоминаю, как летом 1921 года внезапно было объявлено военное положение. И тотчас же, будто по команде, по чьему-то велению, по мановению чьей-то руки сразу сорвались тысячи людей, едва передохнувшие после советских мук, после всякого рода напугов, после чекистских угроз. <...> видел своими глазами и эту беготню, и растерянность, и шепот, и очереди у кассы, и спешные отъезды, и горькие русские слезы» (Пильский 1923: 377).

Но не только опасная географическая близость к Советской России и угроза высылки стимулировали дальнейший бег. Хотя румынское правительство противилось приему российских беженцев и всячески пыталось от них избавиться, крайние меры не принимались. Несмотря на неоднократные распоряжения МВД о высылке нелегалов за Днестр, эти угрозы, по всей видимости, редко приводились в исполнение. По крайней мере, в известных нам архивных материалах, в бессарабской прессе конкретных подтверждений этому мы не нашли. Согласно документальным источникам, в 1920–1930-е гг. практиковалась высылка в другие балканские страны.

Вопрос о насильственной высылке находился в центре внимания прессы и общественности, обеспокоенной дальнейшей судьбой беженцев в Бессарабии. Высказывания на этот счет официальных лиц,

представителей военных властей были противоречивыми. Категории беженцев, имевших право остаться в Бессарабии, постоянно уточнялись. Попытка решить беженскую проблему радикальным способом не удалась. Когда власти назначили «ликвидацию» беженства к определенному сроку, «эвакуация» за Днестр всех находившихся в Кишиневе беженцев по ходатайству авторитетных общественных и церковных деятелей Бессарабии откладывалась несколько раз и, в конце концов, была отсрочена «на неопределенное время».

Особенно болезненный для беженцев правовой вопрос усугублял их зависимость от правительства страны, в которой они находились. С поражением белых армий проблема беженцев приобрела международный характер. Принятый в декабре 1921 г. Советом народных комиссаров Декрет об эмигрантах, согласно которому бывшие российские подданные перестали считаться русскими гражданами, лишил оказавшихся за границей всех положенных иностранцам гражданских прав³. Статус беженца и удостоверения личности для россиян, не принявших какого-либо другого гражданства, были определены Международным комитетом Лиги Наций под руководством верховного комиссара по делам беженцев, известного норвежского исследователя Ф. Нансена и в июле 1922 г. одобрены резолюцией Женевской конференции Лиги Наций. Нансеновский паспорт наряду с документами других государств – членов Лиги Наций Румыния признала, но с существенными примечаниями.

В ответе Румынии от 29 сентября 1922 г. на циркуляр генерального секретаря Лиги Наций касательно нансеновского паспорта сообщалось: «Королевское правительство готово принять предлагаемый образец, который позволит беженцам, находящимся в Румынии, въехать по собственному выбору в ту страну, где они смогли бы обосноваться. По национальным, экономическим и санитарным соображениям Румыния не считает себя обязанной принимать беженцев из других стран, принимая во внимание то, что увеличение численности беженцев, уже проживающих на ее территории, представляется опасным. Румыния закрыла свои границы для русских беженцев. Предоставления транзитных виз в условиях, предусмотренных конференцией, не вызывает никаких возражений со стороны королевского правительства» (Русские 2001). Выраженная в данном документе позиция стала основой проводимой в дальнейшем румынским правительством беженской политики.

По окончании гражданской войны многие беженцы, распыленные по разным странам, стремились попасть в Бессарабию. Пути тех, кому это удалось, лежали через Константинополь, Болгарию, Грецию...

Примечания

1. В соответствии с международными соглашениями, румынское правительство выделяло средства на содержание интернированных в лагере Текиргиол прибывших из Константинополя по приглашению короля Фердинанда врангелевцев.

2. О деятельности еврейских благотворительных организаций см.: *Копанский Я.М.* Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период 1918–1940 гг. Кишинев: Pontos, 2002; *Guzun V.* Indezirabilii: aspecte mediatice, umanitare și de securitate privind emigrația din Uniunea Sovietică în România interbelică. Cluj-Napoca: Argonaut, 2013.

3. Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М.: АИРО-XXI, 2011.

ЛИТЕРАТУРА

Балтийский архив 1999. С. 374–379.

В мертвом 1920 – В мертвом доме // Бессарабия. 1920. 18 сент.

Вершховский 1920 – *Вершховский А.* Изгнанники // Бессарабия. 1920. 19 дек.

Вниманию 1920 – Вниманию общества // Бессарабия. 1920. 29 июля.

Воззвание 1 1920 – Воззвание // Бессарабия. 1920. 11 дек.

Воззвание 2 1920 – Воззвание // Бессарабия. 1920. 30 окт.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-7788. Оп. 1. Д. 32.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Д. 274.

Заднестровские 1920 – Заднестровские гости. Бессарабия. 1920. 18 нояб.

Йованович 2005 – *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь, 2005.

Курцев 1999 – *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

Местная 1920 – Местная жизнь // Бессарабия. 1920. 22 янв.

Население 1920 – Население Кишинева // Бессарабия. 1920. 30 нояб.

На помощь 1920 – На помощь беженцам // Бессарабия. 1920. 26 октяб.

НАРМ 1 – Национальный архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 679. Оп. 1. Д. 279.

НАРМ 2 – НАРМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 16.

Невидимка 1919 – *Невидимка.* На темы дня // Бессарабия. 1919. 7 июня.

От Беженского 1920 – От Беженского отдела. К торгово-промышленным фирмам // Бессарабия. 1920. 21 ноября.

Петроний 1922 – *Петроний*. В румынском оркестре // Сегодня (Рига). 1922. 4 февраля.

Пильский 1923 – *Пильский П.* / Бессарабия // Последние известия (Ревель). 1923. № 34. Цит. по: Балтийский архив. 1999. С. 374–379.

Раев 1994 – *Раев М.* Россия за рубежом. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 296.

Русские 2001 – Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): сборник документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова М., 2001. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bezhen.html (дата обращения: 12.05.2018).

Скворцова 2002 – *Скворцова А.* Русские Бессарабии. Опыт жизни в диаспоре (1918–1940). Кишинэу: Pontos, 2002.

Федоров 2011 – *Федоров В.* Человек задумался // В поисках минувшего. Из жизни Русского зарубежья: очерки, беседы, документы / Авт.-сост. В.П. Нечаев. М.: Книжница: Русский путь, 2011. Ч. I. С. 150–200.

Dicționarul 1923 – *Dicționarul statistic al Basarabiei*. Chișinău: Glasul țării, 1923.

REFERENCES

Belobrovtsseva, I. (1999) *Baltiyskiy arkhiv* [The Baltic Archive]. Riga: Daugava. pp. 374–379.

Anon. (1920) V mertvom dome [In a dead house]. *Bessarabiya*. 18th September. p. 2.

Vershhovsky, A. (1920) Izgnanniki [Exiles]. *Bessarabiya*. 19th December.

Anon. (1920) Vnimanuyu obshchestva [To the Attention of Society]. *Bessarabiya*. 29th July.

Anon. (1920) Vozzvanie [Appeal]. *Bessarabiya*. 11th December.

Anon. (1920) Vozzvanie [Appeal]. *Bessarabiya*. 30th October.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 7788 . List 1. File 32.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5680. List 1. File 65.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5766 . List 1. File 274.

Anon. (1920) Zadnestrovskie gosti [Guests from the left bank of the Dniester]. *Bessarabiya*. 18th November.

Jovanovich, M. (2005) *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow: Russkiy put'.

Kurtsev, A.N. (1999) Bezhtensy Pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914–1917) [The refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*.

8. pp. 98–113.

Anon. (1920) *Mestnaya zhizn* [Local life]. *Bessarabiya*. 22nd January.

Anon. (1920) *Naselenie Kishineva* [The population of Chişinău]. *Bessarabiya*. 30th November.

Anon. (1920) *Na pomoshch bezhentsam* [Help the refugees]. *Bessarabiya*. 26th October.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 679. List 1. File 279.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 203. List 1. File 16.

Anon. (1919) *Nevidimka* [The invisible. On the topic of the day]. *Bessarabiya*. 1919. 7th June.

Anon. (1920) *Ot bezhenskogo otdela. K torгово-promyshlennym firmam* [From the Refugee Department. To the trade and industry firms]. *Bessarabiya*. 21th November.

Petronius. (1922) *V rumynskom orkestre* [In Romanian orchestra]. *Segodnia* (Riga). 4th February.

Pilsky, P. (1999) *Bessarabiya* [Bessarabia]. *Poslednie novosti*. 34. See: The Baltic Archive, 1999. pp. 374–379.

Raev, M. (1994) *Rossiya za rubezhom* [Russia abroad]. Moscow: Progress-Academiya.

Bocharova, Z.S. (ed.) (2001) *Russkiye bezhentsy: problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-ye gody): sbornik dokumentov i materialov* [Russian refugees: problems of resettling, repatriation, settlement of legal status (1920–1930). *Sbornik dokumentov i materialov*]. [Online] Available from: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bezhen.html (Accessed: 12th May 2018).

Skvortsova, A. (2002) *Russkiye Bessarabii. Opyt zhizni v diaspore (1918–1940)* [The Russians in Bessarabia. Life in diaspora (1918–1940)]. Chişinău: Pontos.

Fedorov, V. (2011) *Chelovek zadumalsya* [The man became thoughtful]. In: Nechayev, V.P. (ed.) *V poiskakh minuvshogo. Iz zhizni russkogo zarubezhya: ocherki, besedy, dokumenty* [In search of the past. From the life of Russians abroad: essays, conversations, documents]. Moscow: Knizhnitsa: Russkii put'. pp. 150–200.

Biblioteca Națională a Republicii Moldova. (1923) *Dicționarul statistic al Basarabiei* [Statistic Dictionary of Bessarabia]. Chişinău: Glasul țării. p. 12.

Гарусова Ольга Андреевна – научный сотрудник Института культурного наследия Министерства образования, культуры и исследований РМ (Молдова).

Olga A. Garusova – Institute of Cultural Heritage of the Ministry of Education, Culture and Research of Moldova (Moldova).

E-mail: garusovaolga@mail.ru